

О НЕОЧЕВИДНОМ ЗНАЧЕНИИ ОДНОГО ИЗВЕСТНОГО ЛАТИНСКОГО КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Мушнина Л. Н.

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Аннотация. Латинское выражение *divide et impera* не имеет авторской атрибуции и ни разу не встречается в корпусе античных текстов классического периода. В статье делается попытка предположить, что это выражение имело не только политическое и военное значение, но также могло служить опорой для формирования основ процесса аналитического познания мира у древних римлян. Возможно, античные авгуры применяли смысл этого слогана для интерпретации процедуры древней дивинации.

Ключевые слова: *divide et impera*, разделяй и властвуй, анонимность, завоевательная политика, авгуры, дивинация, анализ, теория и способы познания.

Латинское выражение *divide et impera* отличается тем, ни разу не встречается в корпусе латинских текстов классического периода. Мы не знаем точного имени его создателя, а также нам не известны контексты его употребления в древности (если только предположить, что в античности оно существовало).

Традиция относит возникновение этого выражения Новому времени. Самое раннее его официальное употребление в виде *divide ut regnes / Diviser pour regner* (разделяй, чтобы властвовать) приписывается французскому королю Людовику XI (1423–1483) [3, с. 4]. Иногда первенство в употреблении этого выражения атрибутируют итальянскому политику и дипломату Николо Макиавелли (1469–1527), который приводит его по-итальянски в своем сочинении «Размышления о первой декаде Тита Ливия»: «*che tu hai in governo divide*» – (то, чем ты управляешь, разделяй) [7, р. 234]. В 1605 г. Джорж Холл, английский епископ, а в молодости писатель, сатирик и моралист впервые привел это выражение по-английски в одной из своих сатир: *divide and rule* [6, р. 153]. Именно на латинском языке *divide et impera* впервые упоминается у итальянского средневекового автора Траяно Боккалини (1612 г.) в его сатире «*Ragguagli di Parnaso*» (Известия с Парнаса) [4, р. 443].

Обычно *divide et impera* рассматривается исключительно как девиз или принцип государственной власти, который как правило используется в качестве метода управления одних государств другими. Этим методом пользуются как сильные, так и слабые государства для более успешного порабощения или подчинения не подвластных им территорий и народов. Этот принцип на деле, но без его формулировки осуществлял своими обширными завоеваниями Филипп Македонский (383–336 гг. до н.э.), которому немецкий поэт Гейне в одном из своих писем бездоказательно приписывает изобретение этой формулы (письмо из Парижа от 12 января 1842 г., без указания источника). Этот же постулат характеризовал завоевательную политику Г. Ю. Цезаря, которому также приписывают изобретение формулы *divide et impera*, однако и Г. Ю. Цезарь не изобрел этот принцип, а лишь успешно его реализовал. Как известно, при завоевании Галлии Цезарь сталкивал интересы отдельных германских племен, при этом одних наделял привилегиями, а другими пренебрегал. Так, Ариовисту, главе свевско-гарудского союза, по приказу Цезаря сенат в 59 г. до н.э. дал титул «правителя и друга римского народа». Но уже год спустя, в 58 г. до н.э., Цезарь разбил войско Ариовиста, так как тот, как предводитель германцев, стал притеснять налогами галльское племя секванов (*Comm de bell. Gall. I 35–37; 40–44*).

Древний Рим использовал политику *divide et impera* и в более позднее время для управления многими обширными регионами Римской империи, разделяя, ссоря и сталкивая их друг с другом. Например, Иосиф Флавий сообщает о римском правителе Габинии, разделившем еврейское население на 5 конвенций и сталкивавшим их между собой (*Bell. Jud. I, 169–170*). Этот принцип был актуален в течение многих столетий и определяет внешнюю политику многих государств вплоть до наших дней.

Однако этот девиз завоевательной власти мог иметь место не только в экспансивной политике римского государства. Становление этого принципа может уходить корнями в глубокую древность и, возможно, имеет отношение к деятельности римских жрецов-авгуров [2, с.62–99]. Цицерон сообщает, что авгуры имели право роспуска народных собраний, право отмены принятых законов; без их одобрения не принималось ни одно решение римских магистратов (*Cic. Leg. II 12–31*). Сами гадания и их содержание были сложны и разнообразны: гадания по полёту птиц, по удару молнии и т.д., но главным было наблюдение за звездами или дивинации. Место гаданий по звездам находилось на Капитолийском

холме и называлось *auguraculum*, время – с полуночи до рассвета. О результатах дивинаций авгур докладывал сенату уже на следующее утро.

Марк Теренций Варрон (II–I вв. до н.э.) в трактате «О латинском языке» подробно описывает церемонию дивинации (LL. VII 7): авгур во время дивинации виртуально делил авгурским жезлом небесный свод на четыре части при помощи двух условных перпендикулярных линий. Каждая из частей обозначала стороны света, причем левая часть считалась благоприятной: *caelum ...dictum templum; ... ejus templi partes quattuor dicuntur, sinistra ab oriente, dextra ab occasu, antica ad meridiem, postica ad septentrionem* – «небо... считалось храмом; частей этого храма, как говорят, было четыре: от востока – слева, от запада – справа; передняя часть – к югу, задняя – к северу». При этом важно заметить, что расположение частей света описано Варроном с точки зрения локации авгура, располагавшегося на вершине Капитолийского холма. Затем авгур изучал небесные явления, происходящие в этих условно разделенных частях неба, причём каждую из частей он мог еще мысленно разделить на три или четыре части для более детального их изучения. В итоге рассмотрения и изучения полученных данных авгур мог сделать окончательный вывод о характере божественного знамения.

Дионисий Галикарнасский в своем обширном произведении «Римские древности» (III. 70. 3) сообщает о подобном расследовании, проведенном на земле авгуrom по имени Аттий. Чтобы найти в винограднике самую крупную гроздь винограда и затем пожертвовать её Юпитеру, авгур жезлом делит виноградник на части, следя при этом за движением птиц и деля виноградник на всё более мелкие части, что и приводит его к крупной грозди. Приведённый эпизод часто считают моделью, применимой к анализу судебного расследования, когда путём деления целого на части определяется искомый объект и в результате торжествует истина. Таким образом, в этом примере принцип *divide et impera* выступает уже не в политическом или военном значении, а в смысле способа познания или способа исследования, хотя и довольно примитивного [1, с. 200–201].

Намёк на необычное значение *divide et impera* – в различных частях трактата Цицерона «Топика», где автор рассуждает о доказательствах. Например, *Topica V. 28: Atque etiam definitiones aliae sunt partitionum, aliae divisionum: partitionum, cum ea res, quae proposita est, quasi in membra discerpitur ... Divisionum autem definitio formas omnes complectitur, quae sub eo genere sunt, quod definitur...* – «Ведь также одни определения делаются

посредством расчленения, другие – через разделение. Через расчленение, когда вещь, которая представлена к рассмотрению, как бы рассекается на части... Определение же через разделение включает в себя все виды, относящиеся к тому роду, который определяется». В другом месте этого же трактата Цицерон сообщает: *Commode etiam tractatur haec argumentatio, quae ex genere sumitur, cum ex toto parte sequare... quod genus argumenti imprimis firmum videri solet.* – «Доказательство, которое извлекается из вида, бывает удобным и действенным, если выявляешь из целого части ... этот род доказательства следует считать одним из наиболее сильных» (X. 40).

В итоге можно с осторожностью допустить, что способ познания не только небесных явлений, но и действительности вообще сформировался в древнем Риме под влиянием изучения небесных знамений (дивинаций) жрецами-авгурами. Иными словами, *divide* – разделяй то, что изучаешь; *impera* – властвуй, т.е. делай вывод. В то же время очевидно, что в классической греческой философии, развившейся значительно раньше римской, утвердился, начиная с Аристотеля, и используется до настоящего времени греческий термин *analysis* в значении «разложение, расчленение, решение проблемы» и *synthesis* «синтез – соединение элементов в единую картину» [5, p. 112].

Таким образом, принцип *divide et impera*, сформулированный в Новое время как принцип власти и завоевательной политики, в архаическом Риме мог также иметь отношение к формированию аналитическо-синтетического способа познания и изучения мира древними римлянами, получившего системное развитие в Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3 т: [перевод с древнегреческого] / Дионисий Галикарнасский. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI века», 2005. – Том 1 – 270 с.
2. Кофанов, Л. Л. Жреческие коллегии в Раннем Риме: К вопросу о становлении рим. сакрал. и публич. права / Л. Л. Кофанов, А. В. Сморгачев, Н. Г. Майорова и др. – М.: Наука, 2001. – 326 с.
3. Мериме, П. Хроника времен Карла IX / П. Мериме [перевод Кузмина М. А.]. – М.: «Вита-Нова», 2009. – 435 с.
4. Boccacini, Traiano. De Ragguagli di Parnasa / Traiano Boccacini. – Venetia, 1612. – URL: https://liberliber.eu/esplora/libri/autori_d.html. (date of access: 20.01.2025).

5. Greek-English Lexicon. / ed. by H.G. Liddell and R. Scott. – Oxford: Clarendon press, 1996. – 2042 p.
6. Hall, J. Meditations and Vows: divine and moral. / J. Hall. – N-Y.: Paperback edition, 2010. – 256 p.
7. Machiavelli, Niccolo. Tutto le Opere. / Niccolo Machiavelli. A cura di Mario Martelli Sansone. – Editore Firenze, 1971. – 1282 p.